

Избранные произведения // Ленинградское газетно-журнальное и книжное
издательство, Ленинград, 1954
FB2: Вадим Могильчак, 10.03.2011, version 1.3
UUID: OoFBTools-2011-3-10-23-55-34-557
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Константин Станюкович

**Из воспоминаний сельского
учителя**

Из воспоминаний сельского учителя[*]

1

В ноябре месяце одного из годов нынешнего столетия я приехал в город В... и на другой же день явился к своему начальству.

— Честь имею явиться... Назначен учителем в Чеярковскую волость.

— Очень рад... очень рад... Нам так приятно, когда образованные люди идут на такие места... Что от меня зависит, то, поверьте...

Словом, меня осыпали такими либеральными словами, что я решительно ничего не мог сообразить и чуть ли не с умилением глядел на сухощавую, худую фигуру моего начальника, одетого в черный сюртук, светлые панталоны, гладко причесанного с пробором посредине и висками вперед...

— Вы, конечно, имеете намерение и описывать... Очень рад... И если там найдете беспорядки, то, пожа-луйста, прямо ко мне пи-

шите... Я, знаете, люблю литературу... Только предупреждаю вас, вы едете в самую гад-кую волость во всей губернии... Народ там пьяница... вор... Впрочем, сами увидите...

Затем, осыпанный комплиментами и разными пожеланиями, я ушел, рассчитывая через неделю отправиться к месту назначения...

В... — хорошенький городок и замечателен часто сме-няющимися губернаторами и консервативными помещи-ками. Из других примечательностей разве можно указать на Ивана Петровича Пучка...

Я с ним не замедлил познакомиться. Сидел я вечером в своем номере за книгой, как — слышу в коридоре:

— Иван Петрович, куда?.. Сказано — не ходить, а вы всё лезете...

— Имею надобность, — слышался сильный бас... — Пусти... Имею надобность...

И через минуту дверь отворилась, и на пороге яви-лась довольно оригинальная фигура...

Это был человек лет под сорок, с высохшим желтым лицом, на котором, однако, была самая приятная и до-бродушная улыбка...

Большие черные глаза весело вы-глядывали из своих норок, а красновато-сизый большой нос чуть-чуть не касался подбородка, по которому бритва, должно полагать, уже очень давно не гуляла... Какое-то подобие теплого платья охватывало худощавую фигуру, низко кланявшуюся и словно из бочки говорившую:

— Имею честь рекомендоваться... Иван Петрович Пучек... В-кий чиновник... Оставлен за штатом и, имея крайность в деньгах, осмеливается прибегнуть к просве-щенной благотворительности приезжего в наши Пале-стины гостя...

— Садитесь, Иван Петрович, будемте пить вместе чай...

— Очень приятно... Не ожидал такой че-сти...

Мы уселись и скоро за чаем разговари-лись. Нечего и объяснять, что Иван Петрович шибко придерживался рюмки и, вследствие этого, обстоятельства его жизни были так по-хожи на всем известные типы подобных гос-под, что я и не стану их повторять... Следова-тельно, с этой стороны Иван Петрович не был особенно интере-сен, и я поспешил восполь-

зоваться его знакомством с городом...

Но, чуть я только спросил: «каков у вас губернатор», как Иван Петрович серьезно сжал губы, спрятав свою улыбку, пытливо на меня взглянул и с достаточной таинственностью спросил:

— Осмелюсь осведомиться, не присланы ли вы из столицы для узнавания разных обстоятельств?.. В таком случае, я могу всё изобразить на бумаге... И не только, что о господине начальнике губернии, о предводителе и полицеймейстере, но даже и о столоначальнике казенной палаты, Алексее Феофилактовиче Благоноскине... О, смею вам доложить, это суцкая скотина... Вообразите... Не дале, как на днях...

Тут Иван Петрович остановился и, снова пытливо взглянув на меня, заметил:

— Как вы, милостивый государь, будете понимать мои слова?

— Очень просто... Разуверяю вас, что я не прислан из Петербурга ни для чего, а просто еду в Глухов на место сельского учителя.

Мой собеседник улыбнулся, подмигнул глазом, снова оглядел меня с ног до головы и

примолвил:

— Не верю!..

Я ему показал бумаги... Но он всё-таки снова повто-рял:

— Сельский наставник... Ха... ха... ха... Не верю и не верю!

Однако коньяк скоро заставил его поверить и развя-зал ему язык...

— Кто бы вы, милостивый государь, ни были... но на днях, именно четвертого числа се-го месяца, Благоноскин украл посредством недозволенной взятки корову... Можете вы этому верить?.. И добро бы еще деньги, а то ко-рову... Впрочем, тельную корову, которая к нему и приведена была в семь часов пополу-дни... О... это Иуда Искаротский, и я его допе-ку... Вы позволите мне завтрашнего числа из-ложить все обстоятельства дела на бумаге?..

— Ну, а прочие каковы?

— Прочие? (губы Пучка искривились, и добродуш-ная улыбка окончательно исчезла с лица). Прочие... Начнем с господина Труко-ва... Знаете ли, кто у него всеми делами воро-чает... С ним приехавший квартальный... Вы не понимаете, почему?.. Потому что у квар-

тального есть сестрица и сестрица эта доводится господину Трукову, как бы это выразить... одним словом... кварталный... Все дела!! Вообразите!! Что же касается до Водопровода — мошенник-с... Город обирает и плакать ему не велит... Нет-с, не могу дальше рассказывать, ибо не в моготу... Завтра я вам всё на бумаге занесу, а теперь позвольте вас оставить и засвидетельствовать вам свое почтение...

Через неделю я уже уехал на «стаечной» паре из города В... в свою волость... Выехал я на ночь и часу в первом ночи приехал в волостное правление. Навстречу выбежал сонный заседатель, и когда я вошел и попросил лошадей, то он мне ответил: сию минуту, — но когда узнал, что я учитель, то попросту сказал:

— Подожди, милый человек, до утрень... Куды теперь ехать... Вишь, на дворе мороз... Сосни... Ты из духовного звания?..

— Нет, дворянин.

— Так вы, значит, из чиновников будете?.. Верно, рю-мочка полюбилась, что в учителя пошел?..

Я было замаялся, но заседатель, желая меня ободрить, ласково потрепал по плечу и заметил:

— Ничего... это не грех... блуд — грех, а водка не грех...

И затем сонный мужик ушел в другую комнату, по-желав мне доброй ночи...

Громкий разговор в соседней комнате на следующее утро разбудил меня. Слышались голоса:

— Как же это тепереча будет, Максим Фанасич? Должон я ее бить или не должон?..

— Бить не моги; зачем бить, веди ее к нам, наше дело ее бить.

— Нешто правление ее хозяйин... Пытому она не смей супротив меня... Я ей онамнясь и говорю: ты Маланья, куды, говорю, ходила? В баню. Ладно. А зачим, говорю, солдата с тобой видели? Рубаху ему чинила. Кады?.. А тады... Я ее в ухо. Она меня... Хучь и не гораз, а съездила... Ну, и решите, Максим Фанасич, должон я ее бить или не должон...

Пока шли толки, я оделся и вошел в волостное правление... Там уже было человек с десять мужиков... Меж ними шли вполголоса

разговоры, из которых ясно доносились слова: «Рупь сорок плати... Чем? Однава ездили в город, украли лошадь... Три рубля... Бедность — хлебушка ни...» — и т. п.

Жирный голова разбирал жалобу, а я тем временем подошел к заседателю, попросил лошадей, и меня скоро отправили дальше...

Дорога всё шла лесом... Мороз стоял сильный. Ямщик то и дело похлопывал руками и подгонял лошадей... На мои вопросы он отвечал неохотно. Должно полагать, неразговорчивый человек...

— Ты женат?

— Женат... Фью... Ннно... Ленивая...

— Как живется?

— Как?.. Известно как... А ты из дальних?..

— Из Питера...

— Земляки были. Сказывали, страсть-город. И по всему-то городу харчевни и музыка...

Вот снова село... Снова дали пару лошадей... Так я ехал до вечера на паре... Ночь всю ехал, на одной... Один ямщик попался разговорчивый. Всё рассказывал про Ганьку-разбойника, на днях попавшегося за убийство

де-сяти человек в неделю и теперь сидевшего в остроге...

Под эти рассказы я заснул. Меня разбудил голос:

— Барин, слышь вставай... Вот и Чеярково!..

Я огляделся, — мы подъезжали к большому селу, чер-невшему среди снежной равнины. Ямщик мой лихо под-катил к волостному правлению, и я вошел в большую комнату, где сидели голова, заседатель и два писаря... У дверей стояло несколько просителей...

Я подошел к волостному голове и, поклонившись ему, сказал, что я прислан сюда учителем.

Толстый, матерой мужик, с дряблым лицом, с больш-ой, седой бородой, подал мне руку и сказал:

— Ты из каких будешь?..

— Из дворян...

— Тек... А бумага при тебе есть?..

— Есть...

И я подал ему бумагу. Он посмотрел на нее, повертел и, будто не желая читать (а он читать не умел), обра-тился к писарю и сказал:

— Нукошь, Фанасий, валяй...

И когда чтец дошел до моего чина и звания, то голова переглянулся с заседателем и после взглянул на меня не особенно доброжелательно.

— У нас всё были духовные студенты... Ну, а теперь Иван Лексеич бывший вучитель вот на священницкое место вышел в Борисове... Хватеру у дьякона имели... Как вы-то жить будете?.. Чай, в непривычку в деревни-то, — заметил, снисходительно улыбаясь, голова, глядя на меня... — Одначе обживешься... Будь знаком... Антипка, проводи вучителя к дьякону...

Но дьякон сам вошел в комнату и тоже дивился, узнав о моем чине.

— Вы из каких будете?.. Православный?

— Православный...

— Какже... «вич»... На «вич» все поляки...

— Я не поляк...

— Мм... Оно, конечно, случается...

И дьякон уж слишком недоброжелательно взглянул на меня.

Словом, с первой же минуты мои дворянские руки и мой чин возбудили в аристокра-

тии села большие подозрения и недоброжелательства.

2

Я отыскал себе квартиру в самой середине села, у богатого мужика Семелькина. Самого не было дома, а сдал мне комнату его старший сын — умный с виду парень, лет двадцати пяти, бывший часто в Питере, а потому ходивший в высоких сапогах, жилетке и плисовых штанах...

Дом Семелькиных был лучший в Чаярке, и моя комната была такая, что и желать нечего было лучше... Я скоро разложился на новоселье и познакомился с хозяевами, жившими рядом за перегородкой. Семья Семелькиных была большая: бабушка, мать, два женатых сына и куча ребятишек... Жили они тесновато, но в чистой комнате не располагались потому, что хозяин этого «нелюбит», как сказал мне Степан (старший сын).

Меня накормили, обогрели, обласкали... Когда я сидел за столом и загляделся на красного чёрта, что висел на стене в числе прочих

лубочных картин, — жена Степана, молодая баба, подошла ко мне и сказала:

— Чать, тебе скучно будет, родимый. С дальней ты сторонки?.. Одинокий?.. Ешь... ешь... Бог с тобой!..

Меня так тронуло это ласковое приветствие, что я теперь всегда с удовольствием вспоминаю о Степане и Марфе Семелькиных; это были добрые люди и, как читатель после узнает, терпевшие каторжную жизнь в семье... Во все восемь месяцев моего учительства я всегда пользовался расположением этих людей...

На следующее утро, едва я проснулся, как пришел ко мне священник:

— Вы изволили приехать на место учителя... Вы будете русский?..

— Русский...

— Не католик?..

— Нет...

— А ваш чин и звание?..

Я сказал ему чин свой, и мы уселись и стали говорить. В разговоре ясно проглядывало любопытство со стороны батюшки. Ему непременно хотелось узнать, для чего я прие-

хал и как я буду учить...

— А закону божию вы тоже будете преподавать?..

— Буду.

— Так-с... Затем прощайте... Когда к нам зайдете?

Когда я пришел в училище (плохая комната с сломан-ными скамейками и столами), мальчики встали. Их было человек двенадцать. Они глядели на меня испуганными глазами... На шкафу лежали розги. Я их взял и выкинул за дверь. Кто-то фыркнул... Однако мое действие произвело некоторый эффект...

— Как тебя звать? — спросил я одного.

— Матвей Ко-ло-сов... — задрожал мальчуган.

— Что, тебя били, видно, прежде?..

— Хлы-с-та-ли...

— Ну, братцы... Сегодня не будем учиться... Завтра приходите...

Я посмотрел, когда ушли дети, училищную библиотеку. Ни одной сколько-нибудь дельной книги.

Я пришел домой, разобрал свои книги и приготовился нести их завтра детям. За обе-

дом старуха на меня коси-лась и всё спрашивала, к чему я сюда приехал, что мне была за охота из Питера ехать именно в Чаярково, и т. п.

После обеда (это значит в двенадцать часов, — хо-зяева мои обедали в одиннадцать), приехал хозяин... Он ездил куда-то по торговым делам и вернулся полу-пьяный...

Это был плечистый, рослый мужик с лисьими, плуто-ватыми глазами, одетый по-купечкому. Его история не безынтересна. Он был богат; торговал в Питере мясом, но прокутился, запил, спустил всё и теперь срывает злость на семье, и преимущественно на старшем сыне, которого он винит за то, что сын его «будто бы разорил». Из себя такой манерчатый, знающий марсалу и шипучку, он, видимо, рисовался передо мной...

— Теперь я говорю, что мне тысяча — тьфу... Десят-ками тысяч ворочали... Знаем обхождение... Знаем-с... Вы вот учитель, ну и учите хорошенько... А рюмочку хотите?..

— Нет, не пью!..

— Что вы... Виданное ли дело... Одну... Одиначе вы всё-таки нет... А я пью... И много

пью... Пытому мне тьфу деньги... Вот они... — И он мне чуть не под нос ткнул пачку засаленных ассигнаций, и ушел в кабак.

К вечеру он возвратился; стал кричать, ругаться и хватил в темноте ребенка. Поднялся плач, вой... Я вошел со свечой и увидел испуганные, тупые лица старухи бабушки и невесток, плачущих и испуганных ребяток и самого старика, еле стоявшего на ногах посередь избы.

— Падлец, а не сын... Я тебя в солдаты... В солдаты отдам! Воры! Все вы грабители. У-у-у!..

И он замахнулся и хотел ударить ребенка, но споткнулся, упал и скоро захрапел на полу.

Я попал в семью, где чуть ли не каждый день разыгрывались подобные сцены. Когда старик уезжал куда-нибудь по делам, все было рады и жизнь шла сносней... Но чуть он являлся пьяный — снова беда. В трезвом виде он был гораздо обходительней...

Через неделю пришел он ко мне и говорит: — Вот что, барин. Ты хоть и барин, а уходи... Дом-то мой... Уходи отселева...

— За что же?

— Не хочу, чтобы ты жил...

— Ладно... уеду...

Однако Степан с женой стали просить не уезжать. «Вас он еще стыдится, — говорили они, — без вас же беда»...

Я остался, уломал старика, и скоро мне пришлось принять участие в чересчур тяжелой сцене.

3

— Ты расскажи-ка мне, Степан, из-за чего это отец к тебе всегда придирается? — спрашивал я как-то одним вечером Степана, распивая с ним чай...

— Известно из-за чего! Всё из-за денег, пропадаю они! Видите ли: ездил я в прошлом годе в Питер заместо отца, а он в те поры в головах был... Дал он мне три тысячи и наказал продать мясо да собрать долги с торговцев... А у нас на их долгов тысяч с пять было... Ладно. Отправился я этто в рождественский пост, справил дело и вернулся бытто к вознесенью. — Здравствуйте, мол, тятень-ка! А он —

надо вам сказать — в головах шибко эту водку локал; связался этто с писарями, да то и знай — это мне наши же опосля сказывали — в правление носили штофы-то... Сидит он — как я этто вошел к нему — в са-мой ефтой горнице — допричь вас правление тут было — пьяный и таково зверем смотрит. «Здравствуйте, тятень-ка, мол». — «Подавай отчет, говорит, где деньги?» — Это он меня заместо всякого приветствия встрел. «Так, мол, и так, говорю, тятенька, вот теперче за мясо извольте все денежки сполна получить, а на три тысячи, мол, красок и зерен куплено — это мы к ярманкам, — а насчет долгов, то не собрал, потому, мол, нонече очень трудно долги получить». Слушает он к примеру репорт мой и, вижу я, сердце-то в нем закипает. «Врешь, говорит, Степка, от лю-дей знаю, что ты деньги мои спрятал... пять тысяч... По-давай, говорит, деньги!..» Я ему опять резоны. Да нешто он примет их? Зарядил, как есть, одно: спрятал, да и спрятал!.. На утро, как я ему подал репорт, он снова: «Подавай, говорит, деньги, что украл!» — «Чтó вы, мол, тятенька, в своем ли, говорю, разуме... Какие деньги?.. Вот и

векселя...» А он, замест ответа, хлысть меня вот в это самое место под глаз... Опосля опять, да опять... С той поры, как видите сами, что ни день, то ссора... Я бы отделиться хотел. «Нет, говорит, подай денежки!..» Как забрал он что себе в голову, кажись колом не выбьешь...

— Ну, а на жену из-за чего он грызется?..

Но вместо ответа Степан махнул только рукой и ни-чего не сказал.

Сижу я как-то в своей комнате... Вдруг отворяются из сеней двери, и я слышу:

— Степка! Отдай деньги...

Степан молчит.

— Степка, подлец! Говаррю —отдай мне деньги... Убью!

В соседней комнате тишина.

— Вот тебе... вот...

И за перегородкой послышался шум. Я вошел к со-седам и увидел отца и сына — обоих бледных, молчали-вых, скрутившихся вместе на полу. Рука старика была в бороде у сына, который закусил зубами другую отцов-скую руку. Бабушка только слегка охала и читала мо-литву. Остальные разбежались вон.

— Карраул... крраул!.. Режет!.. Режет!! — вдруг за-ревел старик и, шатаясь, побежал на улицу...

Вернулись домочадцы и стали корить Степана.

— Бога ты, Степка, не боишься, — говорила мать. — На отца руку поднял... Что теперь будет... Господи!

Марфа стала утешать мужа. Принесла ему выпить квасу и обмыть окровавленное лицо. Степан молча принимал услуги и сосредоточенно глядел в землю.

— Стерпел бы, Степа! Чать, не в первой!..

— Нешто не видишь, поедом ест... И у святого терпение лопнет... Чтó я ему, солдат какой достался?..

— Эх, Степа, беда!.. Хочешь исть-то?.. Бедный мой!

— Нет... Ну чево ревешь-то?

Но Марфа не слушала, а, глядя на мужа, редела во всю прыть, закрывши свое печальное лицо передником. Две девочки (ее дочери), тоже заплакали, глядя на мать. И среди плача только слышались стоны, оханья да молитвы лежавшей на печи и совсем выжившей из

ума столетней бабушки.

Я пошел в волостное правление и застал там всё на-чальство в сборе за штофом... Шли толки о случившемся происшествии. Старик Семелькин, окончательно пьяный, только и кричал:

— Выдрать его... В Си-биррь!.. В кандалы! Афанасий Митрич! Пошли за Степкой подледцом сейчас!..

Послали за Степаном и приготовили розги... На улице под окнами уже собралась толпа народу, и мальчики испуганно между собой перешёптывались...

— Острастку дать надуть... Нешто показано на роди-теля руку... сам посуди...

— Спросим, братцы, пономаря-то... Как он порешит...

Послали за пономарем и когда рассказали ему дело, то он решил:

— Грех превеликий... Пример нужен... С божьей по-мощью порите...

Вошел Степан. В лице у него кровинки не было... Словно пьяный подошел он к голове и, взглянув на розги, сказал:

— За что меня пороть будете?.. За что?..

— За то, что на родителя руку поднял...
Нешто это дозволено?..

— А того вы не знаете, как он меня ест. Что ни день, то порочит. Что ни слово — то «вор да мошенник!..» Что ни вечер, то драться... Год я терпел то... Просил раз-делу... За что ж драться-то?..

Больно тяжело было глядеть на эту безобразную сце-ну. Даже голова был в нерешительности и заметил ста-рику:

— Семеныч!.. Ай не простишь?..

— В кандалы... Пороть... В Си-биррь!!

— Ну, брат, делать нечего. Воля родитель-ская... Ло-жись!

— Братцы! Ай у вас закону нету?.. Ай у вас жалости нету?.. Что вы? Опомнитесь!

И он в отчаянии брякнулся на колени по-среди ком-наты.

Я стал просить за Степана, рассказав голо-ве, как было дело, но голова только говорил:

— Мне что!.. Рази моя воля?.. Тьфу! Не хо-тел этто я в должность иттить!.. Только одна забота... Семеныч! Видишь, и вучитель про-сит... Прости, помирись-ко с сы-ном!..

— В Си-биррь!.. Порроть!!

Но, на счастье, в это самое время раздался звонок и к крыльцу подъехал чиновник. Он узнал, в чем дело, и скоро Степана отпустили домой, наказав вперед с отцом не драться...

— А всё бы пример нужен! — оппонировал распоряжению власти пономарь.

— Да ведь отец-то каков? Сам пьяница!..

— Так-то так, васкоблародие, — поддакнуло начальство...

А старик, как только завидел чиновника, скрылся и, уже сидя в кабаке, рассказывал с своей хвастливой манерой:

— Простил подлеца... Сам чиновник просил... Для него только. «Уж ты, говорит, Семеныч, для меня уважь». — «Извольте, говорю, только для вас». И простил! Дай-ка полуштоф... Валяй!..

— Экий несообразный мужик! — говорили на селе.

4

Каждое утро мои ученики приходили меня будить и мы вместе отправлялись в училище... Как-то раз один из учеников принес мне

два яйца, а другой — две луковицы.

— Н^а, Костентин Михалыч, ешь!..

— Зачем мне?

— Мамка прислала... Баит: снеси вучителю, вон чать на чужой стороне скучил...

— Спасибо, детки... Только не надо... У самого есть...

Таким простым манером мне оказывали добрые ребятки внимание... Иногда, смотришь, крынку молока не-сет мальчуга и обижается, если отказываешься.

С семи часов утра мы ходили в училище. И надо ска-зать правду, мои ученики учились с охотой, и с большим удовольствием слушали чтение рассказов и стихотворе-ния Некрасова... И если кто-нибудь из них, бывало, мешал другим, то все в один голос так и напускались на маленького шалуна.

Только одно было плохо. Много хлопот было с отцами. Детей, желающих ходить в школу, было много, но не всегда, бывало, их пускали.

— Чего ты, Ванька, в училище не ходишь? — спро-сишь, встретив на улице, какого-нибудь востроглазого сопляка...

— Тятка, в училищу не пускает...

Обыкновенно мы шли вместе с мальчиком к отцу. В душеной, низкой избе сидел, как водится, дед за лыком, отец за какой-нибудь работишкой да старуха на печи.

— Здорóво... Бог пóмочь!

— Здорóво, родимый! Садись... будь гостем...

— Что это вы Ваньку-то в училище не пускаете?..

— Глупенек еще, родимый... Мал... куда ему... Да и — не во гнев тебе будь сказано, — батюшко баил, что ты по псалтырю не вучишь... так какое же это будет вучение? И опять: сказывают — ты без розги вучишь! А нетто без розги вучать?..

Большого труда стоило уламывать мужика, но в конце концов он соглашался и только прибавлял:

— А уж ты его не жалея. Баловать будет — хлыстай... Без этого нельзя!..

Наше село — очень бедное село. Земли мало. Заработки на стороне плохие. Ходили в город на кожевенные заводы по пятнадцати копеек в день, так зато там работа больно

«люта», хлеб дорог, словом мне приходилось видеть самую крайнюю бедность и безотрадное существование. Больных бывало много, но фельдшер наш, прозванный «гамазейной крысой», столько же смыслил в лечении, сколько и в малайской грамоте и от всех болезней прописывал белладонну и гумозный пластырь. Да и то, чтобы получить от него эти лекарства, следовало сперва дать гривенник.

Обыкновенно, когда уж круто приходилось мужику, хозяйка его шла к фельдшеру:

— Подь, голубчик, взгляни... Всего ломает, просто страсть, батюшко!..

— Это риматисм, — глубокомысленно замечал фельдшер и прибавлял: — А гривну принесла?

— Принесла, батюшко... На́...

И они шли к больному.

Охал мужик... Простудился он недели две тому назад, ездивши в лесную порубку... Из прежнего здоро-вяка на коннике лежал изможденный, еле дышавший человек.

— Что болит? — спрашивал фельдшер.

— Всё, отец ты мой... Всего разломало... Дюже бо-лит... Помоги!

— Это риматисм... дда!

И лекарь начинал ощупывать больного; трогал голову, жал ноги, тер живот и велел высовывать язык.

— Чаю напейся... да скорей... Вот порошки... прими. А назавтра всё пройдет.

Но по большей части назавтра хозяйка ре-вела на всю улицу, потому что хозяин умирал, и приговаривала:

— Умер... сиротой оставил... Отколь домо-винку (гроб) справишь? Отколь попу на погребенье дашь?.. Бедная я... У-у-у-у...

— Случай вышел... Как есть необразованный народ. Поздно хватились, — говорил в тот же день фельдшер, играя в правлении с писарями в три листика.

— Подлинно необразованный... А намедни пришла сюда баба и, как бы вы думали, Левонтий Ваньч, с чем?.. Хлюст-с: фалька с бардадымом — пяточок пожалуйста!.. Пришла и спрашивает: «Кады, говорит, будет некрутчина?». Сказал я ей. Чтó же глупая сказывает: можно ли, мол, малолетку в солдаты продать... Бедность, мол... То-то... Сдавайте.

— Фу ты... Неуч!.. И добро бы лечились, как

люди... Дашь им тинтуру беладонна, ну и думаешь, людям дал... порядок знают; порошок в два раза примут, так ведь нет: ровно бы скот какой, так и норовит с маху его сожрать... Помирил... Гуляйте-с!

Был в округе и доктор. Жил он в городе; только у нас в селе его никогда не видали, и только одна слава была, что доктор есть. (Всё это, конечно, было до зем-ства.)

Еще в В... мой начальник говорил, что в Чаяркове — пьяница народ. И это пустяки! Пить — пили, но чтобы особенно шибко — этого я не замечал. Да и пить, при-знаться, не на что было. Пóдать да недоимки до того всех обчистили, что как войдешь куда-нибудь в избу, то только и слышишь:

— Хлебушко ноне дорог... О господи!..

— Чай, в Питере у вас не то, что у нас... Вишь — бед-ность!

— Жрать, прости господи, нечего. А тут опять не-доимка!..

— Ты почто лес воровал? — спрашивает голова как-то у ледащего мужичонки.

— Для лесу... Дровец надыть. Божий лес, божий, батюшка...

— А ты не воруй!.. Не приказано!

5

Наступила масленая неделя, и на селе стало шумней. Из дома в дом ходили в гости. Пили и ели. И ко мне пришли дьячок и писарь. Сели. Я послал за полуштофом.

Писарь, видимо, рисовался передо мной и хотел показать, что он тоже кое-что знает. Потому и повел такую канитель:

— Таперча, Костентин Михалыч, вы вот в Питере были. Чай, там эта самая водка ни по чем?

— Рупь — ведро! Ничего не стóбит! — отрезал уже подгулявший дьячок.

Писарь только на него покосился и сказал:

— Снова обращусь к вам и спрошу: чай, там в Питере-то хорошо?

— Благолепно! Но только, полагаю, супротив Москвы ему ни в жисть, потому там церквей... церквей! Госпо-ди! — снова перебил дьячок.

— Но как же вы про ефто можете знать, когда вы не токмо что в Питере, или в

Москве, а дальше Мурома носу не показывали?

— А по книгам... Слава богу. В книгах всё описано...

— Всё не то! Теперче — снова обращаюсь к вам, Костентин Михалыч, — сказывают, бытто в Питере есть колонна... И бытто в такую она вышиину идет, кабысь конца ее не видать. В облаках, слышно, теряется. Как вы об эвтом судите?

— Этто Александровская! Как же, знаю! — опять пе-ребил дьячок.

— Дайте им сказать... Много-то вы знаете!

— Побольше тебя... Службу церковную знаю. И опять же...

И мои гости так заспорили, что дело чуть не дошло до рукопашной. Спасибо, старик Семелькин пришел и увел их к себе. Прощаясь, писарь заметил:

— Не обессудьте... Праздничное дело... Милости про-сим к нам!

А дьячок снова пристал:

— Чудное дело: на «вич» все католики!

Вечером опустела наша изба. Хозяева ушли в гости. Вышел и я на улицу; посидел у

ворот и уже хотел идти в комнату, как услышал у сарая голос Марфы и старика Семелькина:

— Так как же будет, Марфуша?.. Ай меня вовсе не любишь? Ай не согласна?

— Бога вы, тятенька, не боитесь... Пустите!

— Не трожь! Будешь покорна — озолочу и Степку пошлю в Питер с полным моим доверием. Одену тебя, ровно кралю... Платков подарю!

— Не смущайте же... Стыдились бы пустую речь говорить!

— Марфа, Марфа, слухай меня... Не супротивничай. Худо будет... В солдаты Степку сдам!

— За ним пойду!

— Ах ты, тварь ехидная. Н-ну, берегись, берегись!.. Марфуша! Денег хоть?..

Так и прекратился разговор, осветивший мне причину безобразной ненависти отца к сыну. По избам уже стали тушить огни... Марфа сидела на своей постели и горько плакала. Скоро собралась домой вся семья, и всю ночь из-за перегородки ко мне доносились вздохи, ужасающий храп, икота и пьяные возгласы:

— Не позволю... ни... ни... Еще стаканчик!.. Шалишь!..

Часто отворялись двери в сени, и Марфа нередко хо-дила за квасом и, подавая мужу, соболезнавала:

— Эка, родимый, надрызгался... Срам!

Наступил пост. Заходили все в церковь. Снова наша сельская жизнь вошла в свою обычную колею. Как-то раз приходит ко мне один мальчишка и, обдергивая свой кафтанишко, смотрит на меня и будто что-то хочет мне сказать.

— Ну что, Федя... Говори...

— А бить не будешь?

— Глупый... Нешто я кого бил?

— Нешто ты антихрист?

И, проговорив это, мальчишка словно сам законфу-зился и потупил свои черные глазенки в землю.

— Кто это тебе сказал?

— Да бабушка баит, что ты антихрист и что ты нас с колокольни будешь бросать. Это — баила бабушка — вчитель только на-перво добрый, а опосля он вас всех с коло-кольни побросает...

Я много смеялся и постарался разъяснить мальчику, что я не антихрист. Впрочем, меня, конечно, не удивляли подобные слухи. Еще прежде говорили, что я будто приехал из Питера для делания фальшивых бумажек «пуготу, что у него лучина вплоть до утра горит», — а дьячок после второго полуштофа даже раз сказал: — «Православные, берегитесь! В католичество приехал со-вращать!..»

Даже люди более образованные — окрестные помещики (с которыми я позднее познакомлю читателей), и те говорили разные несообразности, вроде таких: «А слышали, батинька... В Чаяркове учитель газеты получает и письма из столицы... к чему бы это ему приехать?» — «Ммм... Для описания, а быть может, прислан от министра узнать, как, мол, помещики между собой ду-мают...»

Значит, легендам обо мне удивляться было нечего. И на селе мало-помалу слухи эти пропадали. Я познакомился со многими крестьянами, писал им письма, иногда даже лечил, и таким образом жизнь моя шла обычной колеей до тех пор, пока раз ко мне не пришел сельский староста и не сказал:

— Вó что. В воскресенье будет сход у церкви... Не-кий человек хочет супротив тебя говорить... Ему хоцца самому в учителя... Приходи-кось сам... А он уже многих стариков подговорил...

На следующий день часов в шесть утра я пошел в церковь... После обедни народ собрался перед церковью... Большая толпа была, и шел в ней гул... Наконец вышел мой соперник и заговорил:

— Православные! Вот что я хочу вам сказать. Как ваша воля будет — так тому и быть! Нешто детей вы своих не хотите учить уму-разуму? Нешто любо вам, коли учат их не в страхе божием?

— Не хотим! — заревела толпа.

— А что видим мы? Дети наши стали баловать и не знают никакой острастки. Мы, бывало, учили допричь, так всегда розгами вразумляли... А теперь что? Никакого страху нет. Это порядок или нет?

— Что и говорить! Где ж тут порядок! — загалдел народ.

— Так как же теперь?.. Люб я вам в учителя, аль нет?

— Да у нас есть учитель!

— А страх божий!

И поднялся страшнейший шум. Кто говорил одно, кто другое. Только и слышалось:

— Палата прислала... Палата и знает... Чем он не учитель?

И через несколько времени все разом заговорили:

— Нет... Не надо нам другого. Он учит хорошо и детей не бьет!.. Дети его любят... Не надо нам никого... Пусть он у нас и будет!..

Таким образом мой соперник потерпел фиаско, и я зажил отлично.

А между тем дома собиралась гроза... Через недели две прибежала ко мне Марфа, совсем растерявшаяся, и закричала:

— Спасите! Отец с топором лезет!

Я вышел и увидел совсем пьяного старика, идущего с топором на сына...

— Покоришься ли ты мне или нет?

Степан было бросился в дверь, но старик догнал его и пустил топором. По счастью, топор пролетел мимо...

Все сидели испуганные... Никто не смел сказать слова... Бешеный, с блистающими

глазами, с дрожащими губами, старик шептал:

— Покорись, говорю... Покорись... Марфа... Где Степка?.. Куды убеж Степка?..

Кое-как уложили старика спать, а наутро он от-резвился и первым делом спросил:

— Где Степка?..

— Ушел...

— Куды ушел?..

— Бо зныть куды... Сказывает — житья от тебя нету...

— А Марфа?..

— И Марфа ушла... Бесстыжий ты этакий человек! Что ты наделал!..

И старуха-жена стала причитывать...

Однако на другой день Степан с женою вернулись, и снова пошла такая же крошечная жизнь, как и была. Наконец терпение сына окончательно лопнуло, и он стал просить чиновника выдать ему билет на жительство в го-роде.

Дело это устроилось, и скоро Степан с семьей пере-брался в город и зажил счастливо. Но не долго продол-жалась эта счастливая жизнь. Подошла рекрутчина, и его сдали в

солдаты по желанию отца. Марфа, несмотря на все обещания старика, не отстала от мужа и, захватив детей, пошла за ним мыкать свою жизнь, полную горя и забот...

Вслед за этими событиями я перебрался к другому мужику. Там были совсем другие люди, и жизнь моя на новоселье была такая тихая, спокойная, хозяева мои были такие честные, хорошие люди, что я потом с горем расстался с ними.

* * * * *

6

* * * * *

Только вошел в свою избу, как хозяин мой, крестьянин Андроныч, встретил меня:

— А тебе, Костентин Михалыч, привез грамотку нарядкинский мужик.

— Ну-ка, дай мне грамотку.

Мне подали письмо, и я прочел следующее:

«Милостивый государь!

Хоть я и помещик, но смею честию заверить, человек гуманный и вовсе не похож на

Исполнителя Иваныча Бизюкова, владельца Угрюмовки, который, чтобы попасть в земскую управу, напоил на прошедшей неделе всех господ дворян. Нет-с, я не такой! Можете у всех спросить. А потому, узнав о вашем прибытии из Санкт-Петербурга, и зная, что вы приехали преимущественно для описания статистики и образа жизни местных дворян, осмеливаюсь вас покорнейше просить сделать мне честь, навестить меня завтра, для чего я вам пришлю тарантас. Я бы и сам приехал к вам, если бы не ушиб ногу вчера на охоте так, что не могу свободно ходить. Приезжайте, и вы доставите как мне, так равно и моей супруге, большое наслаждение, а мы вам сообщим столько сведений, что вы можете написать целый роман. Господи, что здесь за народ! Трусобный, как выразился Всеволод Васильевич Крестовский. Достойный талант-с. Приезжайте же. Жду. Ваш покорный слуга.

Аркадий Поспелов.

Сельцо Нарядкино».

Мне ничего не оставалось делать, как ре-

шиться ехать после такого занимательного письма.

— Аль в гости тебя зовет нарядкинский барин? — спросил меня Андроныч.

— Да. А ты его знаешь?

— Знать-то знаю. О прошлом лете луга у него сни-мали.

— Что, каков человек?

— Барин, как есть барин... Ничего себе. Однажды ездил я к нему в лес, дровец нарубить надоть было. Ну, так к нему пробрался. Поймал, сам поймал, прах его побери.

— Ну и что же?

— И поймавши, — продолжал Андроныч, — стал он такую речь держать: «Ну, говорит, канальи, теперя я могу вас отдать посредственнику, и вас за ваши дела в кандалы закуют. Выбирай же, кого хочешь, посредственника, мол, или я сам тут же расправлюсь по двадцати пяти, да чтобы шито-крыто опосля было?» Мы стали смекать друг с дружкой. Нас было четверо. Вот Микитка — ловкач парень — и говорит: «А что, братцы, нешто ляжем? Пусть его барин потешится». И енці мы опосля еще торго-ваться, чтобы, мол, дро-

ва-то у нас остались. «Ладно, мол, — это нарядкинский-то барин говорит. — Только за эфто же самое я вам по пяти накину». — «Не много ль будет?» — этто Микитка докладывает. «Как, говорит, хо-тите. Воля, мол, ваша, потому нонече слобода», — по-смеивается нарядкинский барин... Порешили... Легли. Сам с кучером в очередку хлыстал, по тридцати отпустил. «Ну, теперь, говорит, братцы, с богом, ступайте домой и дрова везите. А напредки захотите, милости просим... по тридцати или к посредственнику; я, мол, не люблю распутства, ежели вы, как есть, находитесь слободные христиане...» Чудаковат ефто нарядкинский барин, — заключил Андроныч.

— А что, он стар?

— Годов сорока с небольшим будет. Из себя кряжеватый. Ничего, видный барин.

— А его крестьяне любят?

— Хм... любят!? Пошто любить-то... Как тебя хлы-стать станут, нешто ты станешь любить?.. То-то, Костентин Михалыч... Одначе, пора спать. Прощай. Спи с богом...

На следующий день я поехал к этому оригинальному барину. За мной приехал от него

крепкий тарантас с тройкой таких же крепких малорослых лошадей. Ка-залось, всё, начиная от здорового колеса до толстого кучера, говорило о кряжистости нарядкинского барина.

7

Я бойко подкатил к крыльцу одноэтажного пузатого деревянного дома, выкрашенного дикой краской; перед ним был небольшой лужок, вокруг которого, в недалеком от него расстоянии, стояли в симметрическом порядке господские службы. В передней меня встретили два за-спанных лакея и из полурастворенной двери выглянул какой-то сопливый мальчуган и быстро скрылся. Я вошел в залу и едва успел взглянуть на тяжеловатую мебель и на картины воинственного содержания, развешанные по стенам, как в залу вошел, прихрамывая, низенький гос-подин в сером широком пальто и, протягивая мне руки, приветствовал зычным голосом:

— Очень рад... Весьма рад, что исполнили мое при-глашение... Помещик Поспелов!.. Ка-

кую пьете, очищен-ную или перцовку?..

— Никакой... Очень приятно познакомиться... Чеялковский учитель.

— Знаю-с... Наслышан!.. Еще онамедни о вас гово-рил мировой посредник. Изволили слышать, Фома Петро-вич Басков? Удивлялся, что вы без горячих припарок из-волите образовывать сельское молодое поколение. Не понимаем-с этого... Да садитесь, пожалуйста... Прошу быть, как дома.

Мы сели.

— Он и говорит (ведь дурак-с, а жена у него, я вам ска-жу, и вовсе дура), что́ это за выдумки пошли? Приехал — это про вас-то — сюда из Петербурга учить, и без при-парок учит... ха... ха... ха!.. Я ему и говорю: «Послушайте, Фома Петрович, понимаете ли вы прогресс?..» Говорит: понимаю. «Ну и вникните (а уж куда ему вникнуть, когда он дворовых за чубы таскал!), ежели просвещенный че-ловек, то разве он может, мол, как вы, производить *секуции*?..» Так-таки мы с ним с полчаса и проспорили о прогрессе... Однако что же я-то, в самом деле... Какой прикажете? У меня домашняя перцовка чудо!..

— Не пью... Очень благодарен.

— Что вы?.. Рюмочку одну только до обеда... Филя!.. Эй!!

Явился лакей Филя с заспанным хмурым лицом и продранными локтями на сером нанковом сюртуке.

— *Подайте* нам водки, перцовки, и закусить чего-нибудь... Барыне *скажите*.

Филя удивленно взглянул сперва на барина, потом на меня после слов «подайте» и «скажите», умышленно подчеркнутых господином Пospеловым и назначенных, повидимому, специально для меня, и отправился исполнять господское приказание...

— Непостижимо, — продолжал хозяин, — что у нас в провинции делается! Вовсе не понимают, что не такие нынче времена, чтобы можно треснуть в зубы лакашу. Ведь если ты его треснешь, — шёпотом добавил нарядкинский помещик, — то и он тебя может треснуть... так ведь?..

И господин Пospелов прямо уставился на меня.

Представьте себе коренастого, толстого, коротенького человека лет сорока, коротко вы-

стриженного, с кавале-рийскими усами, румяного и с парой черных больших глаз, глядевших на меня чрезвычайно добродушно. Каза-лось, всё, начиная от полных румяных щек до неуклюжего сапога нарядкинского барина, говорило, что ему до прогресса собственно никакого дела нет, а что он мелет вздор гостю скуки ради.

— Ведь если он был прежде раб, то в настоящее время он совершенно свободный гражданин... Верно-с?.. Равенство!! Не понимают у нас этого великого слова... Я вам уже расскажу много интересного, а теперь милости прошу в диванную. Это я ногу на охоте повредил, — на ходу продолжал словоохотливый барин. — На дерево наскочил; от этого и не мог к вам первый приехать. А то бы непременно. Я человек простой и — прямо скажу — человек гуманный. У меня этого нет, как у других. Крестьяне меня любят, и я надеюсь, вам меня описывать нечего будет. Я еще и в «военной» бывши, не любил розог. Ну, конечно, иной раз по обязанности, и то неприятно. А сознайтесь-ка, батюшка, вы сюда для описания приехали? а-а?.. Так, что ли?

— Вовсе нет. Просто приехал на место учителя.

— Ха, ха, ха! шалите! Мы понимаем... Для статистики?

— Нет.

— Голубчик Константин Михайлович, откройтесь... Никому не скажу. Ведь для статистики? Что же, это я понимаю.

— Да нет же... Для учительства.

— Хм, секрет! Экий вы какой!.. А я бы никому ни полслова.

Мы вошли в диванную, где сидели дама и маленький сопляк, выглядывавший в минуту моего приезда в переднюю. Господин Поспелов поспешил меня представить:

— Рекомендую: жена, сын. Ваня, кто лучше, — обратился хозяин к сыну, мальчику лет двенадцати, — чиновник или помещик?

— Помещик.

— Почему?

— Потому, что у помещика есть земля, а у чиновника нет.

— Молодец! Он у меня, батенька, реалист настоящий!

Я едва успел проговорить обычное «очень

приятно» госпоже Поспеловой — белокурой, высокой, полной женщине, лет тридцати, с самым обыкновенным лицом русской помещицы, умеющей зорко присмотреть за хозяйством и шибко надрать вихры подростку-лакею, — как она накинулась на меня, словно коршун на воробья:

— Вам, должно быть, грустно после Петербурга?

— Нет, не грустно.

— Вообразите! Я сама была в Петербурге, у тетеньки гостила, и понимаю, что значит после столицы жить здесь... Вы занимаетесь литературой?

— Нет-с, не имею этой чести.

— Полноте! Про вас все здесь говорят, что вы приехали для романа.

— Ошиблись.

— Однако что же заставило вас ехать сюда? Ведь вы сын генерала?.. и вдруг — сельский учитель! Согласитесь, довольно странно... Конечно, просвещение...

— Ну-ка, батенька, по рюмочке, — перебил муж.

Мы выпили и закусили.

— Нет, не верю, Константин Михайлович, — продолжала дама. — Верно, описывать приехали... О, здесь много интересного! Вообразите, что на днях сделала Анна Петровна Климова. Вы ее не знаете? Это наша соседка. Она не живет с мужем, и вдруг на прошлой неделе надела мужской костюм и в нем в город... Вообразите!..

— Это еще что, а ты Расскажи-ка, Липочка, как Бизюкин дворян напоил.

— Нет, Аркадий, это ты знаешь; я этого не знаю в подробностях. Вот лучше им рассказать, как посредница телят берет. Это интересно. Сидим мы у нее как-то раз после обеда; вдруг приходит лакей и говорит: «Барыня, челяковский мужик вам теленка принес». Посредница так и вспыхнула, и думала поправиться, да и спрашивает: «Для продажи?» — «Нет, барыня, вам в подарок», — объясняет лакей. Она так вся и сгорела... Вот-с нравы! ха, ха, ха!.. А то еще знаете Лобкову? Так та с мужиком в связи! Эмансипация, нечего сказать!

— Предостойная история! Надо вам сказать, что Бизюкину страх хотелось в председатели управы попасть, — говорит г. Поспе-

лов. — Что делать? Как попасть? Так вот, видите ли, задумал он банкет устроить. Собрались. Обед, сервировка и всё такое... чудо; деликатес! После холодного шампанское, шампанское... Так и так, — говорит Бизюкин, — нынче самоуправление self-government,[1] мы, господа дворяне, покажем, что достойны...» — «Покажем! — заревели все, — покажем!..» А за соусом опять Клико... Нечего сказать, упились, да тут же и по-решили всем клиром Бизюкина выбрать в председатели. Вот она какова сторонка-то!.. — завопил Аркадий Васильич.

— А историю Рахначевой слышали? — снова закудах-тала г-жа Пospelова.

— Нет-с.

— Когда вы будете писать, то так и напишите, что это грубая дама... Можете ли себе представить, я у нее с визитом была, а она приняла меня, вы думаете, как?.. Извините за выражение, в юбке... в одной юбке... каково это?

Долго еще продолжалась наша беседа в том же тоне. То г. Пospelов рассказывал о том, как господа дворяне подрались в клубе,

то г-жа Пospelова напевала о том, как та или другая помещица кладет леденцы для испытания лакейской нравственности. Ребенок сидел с нами и слушал эти веселые историйки. Наконец пришел лакей и доложил, что обед подан.

За обедом шел подобный же разговор, и хотя г. Пospelов и продолжал говорить прислуге «вы», но раз взглянул на Филю таким взором, что — побьюсь об заклад — если б не мое присутствие, то Филя был бы выруган.

— Ну, прощайте, Константин Михайлович, да нас не забывайте... Приезжайте опять, мы вам опять много чего расскажем; а сегодня времени мало... Прощайте! — про-вожали оба супруга, когда я садился в тарантас, чтобы ехать назад в Чеярково.

— Жаль, что мало побыли. Вы бы увидели, что я человек истинно гуманный. Опишите же наших хорошенько. Прощайте!

Кучер хлестнул лошадей, и тарантас покатился из гостеприимной усадьбы нарядкинского барина. Мне тогда живо вспомнился рассказ Андронича о порубке леса, и я искренно расхохотался, вспомнив, как г. Пospel-

лов го-ворил Филе «подайте» и «скажите».

После мне пришлось узнать, что достойные супруги распускали про меня самые невероятные слухи господам дворянам. Эти слухи разрослись до того, что спустя две недели после посещения моего сельца Нарядкина ко мне зашел Андроныч и сказал:

— А что про тебя говорят, Костентин Михайлыч!

— А что?

— Бизюкинский мужик сказывал, что к Бизюкину к самому приезжал нарядкинский барин и, слышь, ска-зывал, бытто ты возмущать сюда хрестьян приехал. Ска-зывают, что Бизюкин-то сам хрестьянам сказывал, что вы, мол, хрестьяне, не слушайте чеяркового учителя! Он, мол, чужой веры и противу господ ратует.

Я успокоил Андроныча, однако поспешил узнать, на-сколько справедливы эти слухи. Оказалось, что это по-старались господа Поспеловы... Нечего сказать, удружили было мне... Особенно чеяровский пономарь старался поддерживать подобные слухи и раз даже пришел ко мне с такою речью:

— Вам бы отсюда ехать, господин учитель...

— К чему?

— Потому слухи о вас предосудительны... будто вы мутить приехали. Конечно, никто этому не поверит, только «мужик глуп».

Я поблагодарил за совет и, сказав, что не уеду от-сюда, очень рассердил советчика, который и подводил всю эту музыку только для того, чтобы самому стать челярковским учителем.

8

С весной на селе появилась большая забота. Ожидали приезда чиновника за сбором податей и недоимок. Андронич частенько сердито покрякивал и, вздыхая, говорил:

— Пять рублей взыску. Где по нынешним временам взять их? О господи!

В челярковском кабаке ходуном ходил шумный говор:

— Слышали, робя, чиновник, сказывают, едет? Ты, Микитич, готовь мошну-то!

— А ты нешто припас?

— Отколь припасешь?.. Скажем, братцы, что нету...

— Ловок сказать-то, — заметил кто-то в толпе.

— А пошто?

— А никак у тебя бока целы, божий ты человек?

— Целы-то целы...

— То-то же. Нешто царский чиновник терпит? Он те обручки железные, да и шабаш! Не-е, братцы, видно коровушек придется решить.

— Без них какое житье!..

— А решишь!.. Кабы миром не платить... что с мира возьмешь, а то в одиночку беда!

— И то беда... Ох ты жисть-жистюшка! — вздыхали чейковцы...

Долго еще они толковали, как с чиновником быть, и разошлись из своего клуба хмурые, понуря головы... Шли они по избам и там срывали сердце на бабах... А бабы, когда им приходилось плохо, «срывали сердце» на маль-цах, давая им подзатыльники и тукманки, от которых рев и плач раздавался в избе, словно аккомпанемент грустному мотиву,

что лежал у всех на сердце...

Наконец, приехал чиновник... Погнали мужиков в во-лостное правление.

Там сидела небольшая сухощавая фигурка с желто-ватым лицом, наклонившимся над списками, где пестрели самые разнообразные имена. А у дверей толпилась целая куча крестьян. Одни как-то сосредоточенно глядели в землю, словно там хотели вдруг увидеть трещину, которую надо отдать в царскую казну; другие переминались с ноги на ногу, щипля в руках шапки, точно в них самая суть сидела; третьи охали и повторяли промеж себя: «Три рубля сорок четыре...» — «Рупь двенадцать!..» — «Чудны дела твои, господи!».

— Алексей Иванов! — раздавался голос из другой комнаты.

Тщедушный мужичонко, из себя на сморчок похожий, вышел из толпы и нерешительно направился к дверям в комнату, где сидел чиновник. На пороге он перекрестился и поклонился чиновнику.

— С тебя следует пять рублей восемьдесят копеек... Принес?..

— Ва...ва...ше васкобродие, со всем моим,

пытому за-всегда... Только, господи!.. Вот те бог!..

— Ежели к завтрашнему дню не будет, корову про-дам... Слышишь?..

— Ваше привосходительство!.. не погубите!..

И сырый мужичонко так-таки и повалился в ноги.

— Ну, ступай, ступай! — сердито заговорил чинов-ник. — С меня тоже спрашивают... Даю еще льготы день; чтобы в воскресенье были деньги.

Пот градом катился с Алексея Иванова, и он, ров-но бы полуумный, вышел из комнаты чиновника... Глаза блуждали, волосы растрепались...

— Ай благ?.. — шёпотом спросил его кто-то. Но му-жичонко не отвечал... Он только отчаянно мотнул рукой.

— Тимофей Кравчин! — снова раздался голос чиновника.

Из толпы вышел коренастый, здоровый мужик с умны-ми, бойкими глазами.

— С тебя следует девять рублей пятьдесят две ко-пейки... Принес?..

— Нет, не принес! — отвечал просто, но с достоинством, Кравчин.

Чиновник поднял глаза и вскричал: I

— Что-о-о?

— Не принес, мол, докладываю, васкобродие... потому нету... Сами понимаете... Хлебушка нет, не то что не-доимку платить...

— Ежели ты не принесешь в воскресенье, всё у тебя в доме продам!

— Воля ваша, васкобродие, только ежели разорите нас теперь, как на другой год платить станем?..

В толпе, стоявшей в первой комнате, раздавался ро-пот одобрения за такую речь. Но на лице у одного старика выразился страх и он шепнул:

— Кабы Тимофея не засадили. Эка отчаянный!..

— Заседатель! — крикнул чиновник, — взять его в темную!..

— Как будет угодно вашей милости... Только разорительно!..

— Вон!.. не то в кандалы... упорство!.. берись! — раздался голос из той комнаты.

Тимофей Кравчин прошел через толпу и

только про-говорил:

Сами, братцы, видите... Кабы миром!..

— А за мир, — опять заметил старик, — солдат на-гоняют... Секуция пойдет!..

— Афанасий Потелов! — опять раздался крик...

Из толпы выделился небольшой, рыжеватый мужик... Вся его фигура представляла что-то комичное. Глаза его как-то озабоченно моргали, и всё лицо его, такое дряблое и полноватое, словно передергивало... Он, прежде чем идти к чиновнику, повернулся к толпе и, будто смеясь, сказал:

— То-то братцы... Ах ты, чтоб те!..

Потом снова ступил шаг и снова остановился и, пере-минаясь на месте, ровно курица, что дерет клювом мо-чалку, как-то топорщился и жался...

— Афанасий Потелов!..

— Яу! — ответил вдруг так необыкновенно весело Потелов, что в толпе засмеялись...

— Эх, чудной Фанасий... Чать, со страху!..

— С тебя приходится три рубля... Принес?..

Но Афанасий не подавал голоса, а только кланялся, улыбался и моргал глазами.

— Аль оглох?.. Принес?..

— Дети... васкобла...присходительство...

Семеро...

— А как звать?..

— Звать-то...

Тут мужик вовсе растерялся и не мог припомнить, как звать детей...

— Семеро?

— Как же... семеро! Господь бог сподобил...

Васкоблагородие... семеро... Теперича Петр... Фома... — И мужик стал по пальцам считать, припоминая детей...

— Да ты деньги когда ж?..

Опять Афанасий лишился голоса.

— Чтобы к завтраму!

— Деньги-то?.. Василий... Маланья о благовещении родилась... Господи!..

— Ежели к завтраму не принесешь, всё продам!..

— Нечего... нечего, васкобродие! — вдруг как-то ве-село сказал Потелов.

— Полушубок продам...

Мужик недоверчиво посмотрел на чиновника... Его светлые глазки усиленно моргали. Он что-то хотел ска-зать, да ровно в горле у

него что-то поперхнулось. Весь придавленный, он будто еще принизился, опустился... Он поглядел на свой полушубок, снова заморгал глазами и быстро стал его снимать.

— Да ты погоди. Коли в воскресенье не принесешь, тогда снимем... Теперь ступай!..

Мужик поспешно вышел из комнаты, взойдя в толпу, громко повторял: «Неужто полушубка решиться?.. Гос-поди!.. что ж это будет? Таперича без полушубка?..» И вдруг, как стоял у дверного косяка, так и зарыдал, словно бы ребенок малый.

— Петр Андросов!..

И снова раздался тот же голос... И снова слышались те же ответы... те же жалобы... Та же голь безызъянная, та же грусть безысходная.

Уж наступил вечер и полил сильный дождь... Мужики возвращались по избам и, проходя в сараи, гладили своих лошадок, приговаривая:

— Прощай, Вася!.. Решиться надеть тебя!.. Так-ту!..

Скоро ночь накрыла эту безвыходную бедность...

Спит большое село... Спит, отдыхая от прожитого дня, спит, чтобы снова проснуться на таковой же день и чтобы назавтра влачить такую же жизнь, какую вело и вчера...

Храпит и визжит в тесных, хлевообразных избах Чеярково... Спит оно крепко и, даже во сне ему не снится ни более удобное жилище, ни более здоровая пища, ни более здоровые ребятишки!..

Только бредит сквозь сон Афанасий Потелов и раз-дается в тишине ночной его голос: «Неужто полушубка решиться!..»

И безучастна ко всему этому темная ночь... Сумрачно, словно старая монашенка, глядит она сверху и не дает никакого ответа на сквозь-сонные жалобы о тяготе и оброке...

И глушит стук дождя да вой ветра эти вечные рас-сказы о том, что земли мало, что с Николы зимнего по-купать хлебушко приходится, а покупать не на что!

Когда уехал чиновник, село походило на местность, где побывал неприятель. Везде шли толки о том, что один лишился коровы, другой лошади, третий домашнего скота и пр. Тяжело приходилось крестьянам... А время быстро шло и приближалась рабочая летняя пора. Тут и мне пришлось покинуть Чеярково, и я одним хорошим июньским днем выехал из села среди добрых пожеланий и напутствий учеников и чеярковских приятелей.

Примечания

Печатается с сокращениями в шестой главе.

[^^^]

Самоуправление (*англ.*)

[^^^]